

DOI: [10.14515/monitoring.2023.4.2398](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398)

Е. А. Назарбаева

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ: КОГО И ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ СЧИТАЮТ БЕДНЫМ?

Правильная ссылка на статью:

Назарбаева Е. А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 30—53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398>.

For citation:

Nazarbaeva E. A. (2023) The Perception of Poverty: Who Is Poor and Why According to the Public Opinion in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398>. (In Russ.)

Получено: 13.03.2023. Принято к публикации: 16.06.2023.

ВОСПРИЯТИЕ ФЕНОМЕНА БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЕМ: КОГО И ПОЧЕМУ РОССИЯНЕ СЧИТАЮТ БЕДНЫМ?

*НАЗАРБАЕВА Елена Алексеевна — научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: enazarbaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6025-3435>*

Аннотация. Тема бедности многократно оказывалась в поле зрения социальных исследований, однако большинство из них специализируются на вопросах, касающихся методики измерения, оценки уровня бедности и профилей малоимущих граждан. Значительно меньше внимания уделяется тому, что представляет собой феномен бедности в глазах населения. Цель данной работы — ответ на этот вопрос. На материалах всероссийского онлайн опроса и фокус-групп, проведенных летом 2021 г., показано, что в первую очередь бедность трактуется как нехватка денег, но зачастую воспринимается как синоним нищеты, отсутствия средств на покупку продуктов и минимально необходимой одежды и обуви. В более широком смысле бедность воспринимается как необходимость ограничивать во всем себя и своих близких, что особенно остро ощущается, когда такие ограничения затрагивают детей. Средние оценки уровня бедности в России существенно превышают данные, которые фиксирует официальная статистика. При этом при анализе причин явления на первый план выходят структурные объяснения: низкие зарплаты, пенсии, рост цен. Фиксируются и различия в описании профилей бедности: по мнению россиян, наиболее остро

THE PERCEPTION OF POVERTY: WHO IS POOR AND WHY ACCORDING TO THE PUBLIC OPINION IN RUSSIA

*Elena A. NAZARBAEVA¹ — Research Fellow, Center for Analysis of Income and Living Standards
E-MAIL: enazarbaeva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6025-3435>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The topic of poverty has been widely discussed in social studies, however, most of them focus on the issues concerning the methodology of poverty measurement, poverty level and poverty profile evaluation. Less attention is paid to the perception of poverty by the population. This work is aimed to fill this gap. Based on the data of nationwide online survey and set of focus-group discussions conducted in Summer 2021, the author demonstrates that the poverty is primarily interpreted as a lack of money, but is often perceived as a synonym for misery, lack of food, basic clothing, and footwear. In a broader sense poverty is seen as a necessity to limit oneself and one's closest relatives almost in everything, which is especially acute when such restrictions affect children. Average estimates of perceived poverty is significantly higher than those reported in official statistics. Among the core factors of poverty, the respondents name structural causes: low wages, pensions, and growing prices. Some differences are also observed regarding the poverty profiles. According to the survey data, the Russians see retired and disabled people as the most vulnerable groups (and these categories relatively rare fall into the poverty according to official statistics), while families with children that

проблема стоит для пенсионеров и инвалидов (которые сравнительно редко оказываются в числе малоимущих по данным статистики), в то время как семьи с детьми, отличающиеся максимальными рисками монетарной бедности с точки зрения официальной статистики, участниками исследования реже относились к этой категории.

Ключевые слова: субъективная бедность, факторы бедности, риски бедности, восприятие бедности, уровень бедности

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Введение

Интерес к изучению бедности остается стабильно высоким. Ответ на вопрос о том, кто и почему беден, важен не только для академических исследователей, но и для решения прикладных задач по борьбе с бедностью. Проблема преодоления бедности в России по-прежнему стоит достаточно остро — об этом свидетельствует включение двукратного снижения бедности в список национальных целей развития. Изначально достижение этого показателя планировалось к 2024 г. (с 13,2% в 2017 г. до 6,6% в 2024 г.), однако в период пандемии коронавирусной инфекции срок достижения цели был отложен до 2030 г.¹

Пандемия не только внесла коррективы в возможности достижения цели по сокращению бедности, но и продемонстрировала, как представления о группах с высокими рисками бедности формируют политическую повестку. Многочисленные исследования показывают, что с наиболее высокими рисками бедности сталкиваются семьи с детьми и незанятыми трудоспособными гражданами², и именно они стали ключевыми получателями социальной поддержки в период локдауна³.

are traditionally seen as a group with the highest poverty risks by the official statistics, are less likely to be perceived as vulnerable by the population.

Keywords: subjective poverty, poverty factors, risks of poverty, poverty perception, poverty level

Acknowledgments. The article was prepared within a grant provided by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Grant Agreement No. 075-15-2022-325).

¹ См. Указ о национальных целях развития России до 2030 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 30.03.2023).

² Булкин С. Проректор ВШЭ: трудоспособные — самая многочисленная категория среди бедных. NEWS.ru. 2021. 21 июня. URL: <https://news.ru/economics/prorektor-vshe-trudospobnye-samaya-mnogochislennaya-kategoriya-sredi-bednyh/> (дата обращения: 30.03.2023).

³ Пишняк А. И., Корчагина И. И., Горина Е. А., Тер-Акопов С. А. Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19. Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. 26 июня. URL: https://www.hse.ru/data/2020/06/25/1607268429/HSE_Covid_07_2020_2_1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

В то же время, по данным опросов, 70% населения хотели бы получать разные виды социальной поддержки, а существующие меры (за исключением выплаты детских пособий) представляются населению труднодоступными⁴. Обобщая сказанное, можно предположить, что представления населения о проблеме бедности не в полной мере совпадают с картиной, которую отражают имеющиеся данные. Как следствие, удовлетворенность мерами, ориентированными на борьбу с бедностью, также не очень высока. Помимо этого, рассогласование в представлениях населения о феномене бедности и мерах социальной поддержки (как правило, базирующихся на статистической оценке бедности государством) может способствовать росту социальной напряженности из-за того, что помощь оказывается «не тем» группам населения [Овчарова, 2012]. Это делает актуальным вопрос оценки восприятия бедности населением.

Накопленный опыт зарубежных исследований позволяет говорить о том, что население в целом слабо осведомлено о статистике, касающейся уровня бедности в стране. А восприятие причин бедности тесно связано с отношением к мерам социальной поддержки населения: те, кто полагает, что бедность является результатом поведения самих индивидов, склонны относиться к поддержке бедных более негативно [Malul, 2019]. Понимание проблемы и причин бедности (не всегда совпадающее со статистическими данными) имеют также политические деятели и сами малоимущие. Все эти представления в значительной степени разнятся. Результат опроса тех, кто ответственен за принятие политических решений, показывает, что чем выше осведомленность политиков разного уровня, тем более вероятно их положительное отношение к практикам поддержки бедных, их вовлечение в принятие политических решений и т. д. [Lahat, 2018]. Сами представители бедного населения считают, что окружающие склонны обвинять их самих в бедственном положении, не понимая с какими проблемами они сталкиваются и полагая, что на помощь тратятся налоги тех, кто исправно работает. Малоимущие считают, что их стигматизируют как лентяев, безответственных, ищущих легкой жизни [Reutter, Stewart, Veenstra, 2009].

В России имеется значительный опыт построения профилей бедности [Слободенюк, 2013; Овчарова и др., 2014; Пасовец, 2015; Малева, Гришина, Бурдяк, 2020; Пишняк и др., 2021]⁵, существуют и оценки представлений населения о том, что такое бедность и каковы ее причины [Леконцев, 2016; Мареева, Тихонова, 2016]⁶. Значительно реже затрагиваются исследователями вопросы о том, какова доля малоимущего населения в представлениях россиян.

Целью этой работы стало изучение воспринимаемого уровня бедности, ее причин и особенностей на данных опросов населения. Первый раздел текста содержит краткий обзор работ, посвященных проблеме бедности и ее восприятию на-

⁴ Соцподдержка во время пандемии: гражданам не хватает защиты. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. 2020. 18 декабря. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/426735668.html> (дата обращения: 28.02.2023).

⁵ Наряду с академическими исследованиями данные о профилях и рисках бедности содержат регулярно актуализируемые сборники Росстата, например, Социальное положение и уровень жизни населения России, Российский статистический ежегодник.

⁶ Тихонова Н. Е. Российская бедность: масштабы, причины, перспективы // Индекс. 2005. № 21. URL: <http://index.org.ru/journal/21/tihon21.html> (дата обращения: 28.02.2023).

селением. Последующие его части посвящены анализу эмпирических данных и структурированы в соответствии с задачами исследования: анализ того, как россияне воспринимают бедность, оценка уровня бедности по мнению населения и изучение причин бедности.

Опыт изучения представлений о бедности

Обращаясь к опыту изучения представлений о бедности, стоит в первую очередь отметить неоднородность подходов к решению этой задачи. Все оценки представлений о бедности можно разделить на две категории. Первая рассматривает бедность как феномен, пытаясь зафиксировать, в чем «суть» проблемы бедности и какова доля бедных в стране по оценкам ее жителей. Вторая реализуется в рамках субъективного подхода к анализу бедности (выделяемого наряду с абсолютным и относительным, монетарным и немонетарным подходами (см. например, [Овчарова, 2009; Овчарова, 2012]) и комплексными оценками бедности [Alkire, Foster, 2011]), в этом случае в фокусе исследований оказывается вопрос, каким должен быть доход человека или семьи, чтобы считать их бедными. Отметим также, что в ряде работ и первый подход включается в категорию субъективных оценок бедности.

Апелляция экспертов к оценкам бедности, полученным на основании восприятия проблемы населением, не является распространенной практикой ни в России, ни за рубежом, однако некоторые наработки в данной сфере существуют. Результаты опубликованного в 2022 г. Экономическим и социальным советом ООН обзора показывают, что несмотря на то, что большинство стран фокусируются на анализе объективных показателей бедности, в отдельных случаях задаются также вопросы, касающиеся субъективной бедности⁷. Одним из немногих примеров исследований, где затрагиваются вопросы о восприятии бедности в стране, стал Евробарометр 355 «Бедность и социальная эксклюзия». В 2010 г. около четверти участников исследования (которыми стали жители 27 стран ЕС) указывали⁸, что бедные — это те, чьи ресурсы так ограничены, что они не могут в полной мере участвовать в общественной жизни (26%), почти столько же отнесли к бедным людей, зависящих от благотворительных и государственных выплат (24%). При этом 76% полагали, что бедность в их стране широко распространена (22% отметили, что не распространена, остальные затруднились с ответом). В оценках доли бедного населения европейцы в 2010 г. не демонстрировали единодушия: 23% полагали, что беден каждый третий, 28% — каждый пятый, 22% — каждый

⁷ Economic and Social Council UN (2022) In-Depth Review of Subjective Poverty Measures. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-04/ECE_CES_2022_9-2204786E.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

⁸ Замкнутый вопрос «Существуют различные способы определения того, какие люди являются бедными в (нашей стране). Какое из приведенных ниже высказываний в наибольшей степени совпадает с Вашим представлением о том, кто такие бедные?». Респонденту предлагалась карточка с четырьмя высказываниями: Их ресурсы настолько ограничены, что они не могут полноценно участвовать в жизни общества, в котором живут; Их доходы ниже (значения линии бедности в стране) в месяц; Они имеют низкий социальный статус в обществе, вне зависимости от имеющихся у них ресурсов; Они зависят от помощи благотворителей и выплат от государства. На карточке не представлены, но могут быть отмечены в случае спонтанного упоминания респондентом ответы: «Они не могут позволить себе базовые товары, которые нужны им для жизни», «Другое», «Невозможно определить бедность только одним высказыванием», «Затрудняюсь ответить».

десятый⁹. В то же время, по данным Евростата в 2011 г. (с этого года данные доступны на сайте агентства), к имеющим риски бедности (располагаемый доход ниже 60 % медианного дохода населения) относились 16,8 % жителей упомянутых 27 стран ЕС¹⁰.

Единственная страна, где сегодня проводится анализ бедности как социального феномена (по сути, задаются вопросы о доле бедных в стране, причинах бедности и пр.), — Польша¹¹. В 2018 г. в рамках исследования социальной сплоченности, охватывающего население в возрасте от 16 лет и старше, национальная статистическая служба задавала вопрос о том, какова доля бедного населения в стране. Почти треть жителей страны на этот вопрос ответить затруднились (29,5 %), больше всего оценок оказались в диапазоне от 26 % до 30 % (такие ответы дали 14 % респондентов) и от 16 % до 20 % (такие ответы дали 13 %). Оценки Евростата за тот же период относили к бедным (имеющим доходы ниже 60 % медианного дохода населения) 14,8 % жителей страны. При этом 45 % жителей Польши полагали, что они знают кого-либо, кого можно назвать бедным¹².

В контексте восприятия бедности россиянами внимания заслуживают также результаты опроса ВЦИОМ, согласно которым в 2015 г. 41 % населения в возрасте от 18 лет и старше указывали, что бедных в нашей стране за последние 5 лет стало значительно больше, еще 25 % указали, что их стало немного больше. Стоит отметить, что оценки населения не слишком изменчивы в разные кризисные периоды, в 1990 г. доля таких ответов составляла 39 % и 21 % соответственно. При этом подавляющее большинство россиян отметили, что в их жизни были периоды, когда они ощущали себя бедными (только 27 % указали, что такого периода в жизни не было, 5 % затруднились ответить). Наиболее часто участники исследования говорили, что ощущали себя бедными всегда (15 %) или в первые годы самостоятельной жизни (15 %)¹³.

В целом же в российских и зарубежных исследованиях редко встречаются оценки того, какова доля бедных в окружении респондентов, большой опыт накоплен в части поиска субъективной линии бедности. Авторы¹⁴ разделяют попытки выстроить «объективные» субъективные линии бедности и полностью субъективные подходы. В первом случае респонденту предлагается отметить, при каком уровне дохода он будет оценивать свое положение как очень плохое, плохое и так да-

⁹ European Commission (2010) Poverty and Social Exclusion. Eurobarometer 355 Report. URL: https://www.drugsandalcohol.ie/14534/1/poverty_in_eu_ebs_355_en1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

¹⁰ At Risk of Poverty Rate. Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/TESPM010/default/table?lang=en&category=es.tespm> (дата обращения: 05.06.2023).

¹¹ Economic and Social Council UN (2022) In-Depth Review of Subjective Poverty Measures. URL: https://unece.org/sites/default/files/2022-04/ECE_CES_2022_9-2204786E.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

¹² Bieńkuńska A., Piasecki T., Marciniak G. (2019) Poverty and Income Inequality in Poland — Objective Measures and Social Perception. Special IARIW-HSE Conference «Experiences and Future Challenges in Measuring Income and Wealth in CIS Countries and Eastern Europe», Moscow, Russia, September 17—18, 2019. URL: <https://www.hse.ru/data/2019/10/04/1541833846/Poverty%20and%20Income%20Inequality.pdf?ysclid=le40pdu5is831999286> (дата обращения: 28.02.2023).

¹³ Бедность не порок? // ВЦИОМ. 2015. 2 октября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bednost-ne-porok?ysclid=leprf5hyds288298359> (дата обращения: 28.02.2023)

¹⁴ Bieńkuńska A., Piasecki T. Subjective Poverty Lines Based on the Eu-Silc. Unece Expert Meeting on Measuring Poverty and Inequality, Vienna, 29—30 November 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.15/2018/mtg1/Presentation_EmergingII_Poland1.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

лее до очень хорошего («Leyden poverty line»¹⁵), либо указать одну величину дохода, при которой человек будет считать, что ему тяжело сводить концы с концами («Subjective poverty line»). В рамках полностью субъективных подходов респонденту предлагается самому отнести себя к бедным или не бедным или ответить на вопрос, насколько сложно ему «сводить концы с концами» [Kuivalainen, 2014].

Данные российских массовых опросов в какой-то степени позволяют судить о том, какими видят критерии бедности россияне. Так, в начале 1990-х годов субъективная линия бедности оказывалась значительно выше линии бедности, установленной на уровне прожиточного минимума, однако разрыв между ними в период с 1993 по 1996 г. сокращался [Milanovic, Jovanovic, 1999]. Более поздние оценки показывают сохраняющееся превышение субъективной линии бедности над официальной: в 2014 г., по данным «Левада-Центра»^{*16}, в среднем россияне полагали, что семья является бедной, если ее представители имеют среднедушевой доход в размере 9,8 тыс. рублей в месяц или менее, к 2019 г. этот показатель увеличился до 12,5 тыс. рублей¹⁷. По данным Росстата, на 2019 г. величина прожиточного минимума для населения в целом по России составляла 10,9 тыс. рублей.

В более ранних работах фиксируется неоднородность представлений о линии бедности в различных социально-демографических группах. Исследователи отмечают рост притязаний с увеличением размера населенного пункта и с увеличением количества занятых в домохозяйстве, а также отмечают, что пенсионеры склонны «устанавливать» линию бедности на более низком уровне [Ниворожкина, Овчарова, 2006].

Завершая обзор работ, посвященных восприятию бедности населением, формулируем гипотезы, которые позднее проверим на имеющихся данных. Во-первых, опыт зарубежных исследований позволяет предположить, что не существует консенсуса в определении того, что считать бедностью. Во-вторых, можно ожидать, что воспринимаемый уровень бедности будет превышать официальные оценки бедности, сделанные Росстатом за тот же период.

Опыт изучения представлений населения о причинах бедности

В контексте анализа восприятия бедности важным представляется не только вопрос о том, что она собой представляет, но и что толкает людей к этому состоянию. Основоположителем подхода к изучению различных причин бедности стал Дж. Фейгин. Он показал, что в соответствии с мнениями населения, их можно разделить на три укрупненные категории: индивидуалистические причины, социальные (в ряде случаев их называют структурными) и фаталистические (объясняемые удачей или неудачами) [Feagin, 1972]. Более поздние исследования несколько модифицируют данную типологию, однако берут ее в качестве отправной

¹⁵ Подробнее о Лейденской линии бедности см. [Goedhart et al., 1977].

¹⁶ Здесь и далее * означает российское юридическое лицо, признанное выполняющим функции «иностранный агент».

¹⁷ Караева О., Гончаров С. (2019) Граница бедности и «нормального» уровня жизни в восприятии россиян. Пресс-выпуск Левада-Центра*. URL: <https://www.levada.ru/2019/09/30/granitsa-bednosti-i-normalnogo-urovnya-zhizni-v-vospriyatii-rossiyan/> (дата обращения: 28.02.2023).

точки и разделяют индивидуалистические причины на связанные с поведением индивида (лень, аморальное поведение и пр.) и с фаталистическими причинами (такими как невезение). Аналогичным образом делятся социетальные причины: связанные с поведением других индивидов (бедные подвергаются нападкам других, становятся жертвами социальной несправедливости) и фаталистические (неконтролируемые результаты развития общества) [Van Oorschot, Halman, 2000].

Существуют примеры применения аналогичной типологии для оценки восприятия причин бедности жителями европейских стран. Опираясь на данные Евробарометра-2007, авторы выделили кластеры на индивидуальном и страновом уровне в зависимости от ответов на вопросы о причинах бедности. Было показано, что жители наиболее развитых стран (Дании, Швеции, Нидерландов) более склонны объяснять попадание в бедность индивидуалистическими и фаталистическими факторами, жители Центральной и Западной Европы дают более разнородные ответы, однако в целом чаще апеллируют к социетальным причинам [Da Costa, Dias, 2013].

Несмотря на то, что типология причин была разработана достаточно давно, она не потеряла своей актуальности. В 2022 г. в опросе турецкого населения также применялось деление причин бедности на фаталистические, структурные и индивидуалистические. Исследование показало, что большинство жителей Турции считают причиной бедности доходное неравенство. Такое преобладание восприятия причин бедности как следствия особенностей социальной структуры способствует большей лояльности к развитию социальной поддержки в стране. Те, кто имеет высшее образование, более склонны делать акцент на структурных причинах, в то время как те, кто не имеет высшего образования, склонны к фаталистическому подходу [Özpinar, Akdede, 2022].

Российские исследователи также не оставляют тему причин бедности без внимания. С начала 2000-х годов был отмечен переход от фокуса на структурных причинах бедности (безработицы, задержки заработной платы, недостаточности социальных выплат) к акценту на индивидуальных причинах. Согласно результатам опроса, в 2015 г. в пятерку самых часто упоминаемых причин бедности вошли алкоголизм и наркомания (39%), болезнь, инвалидность (35%), длительная безработица (31%), лень, непригодность к жизни (31%, в 2003 г. об этом факторе говорили 22%), семейные неурядицы, несчастья (29%) [Мареева, Тихонова, 2016].

Некоторое представление о соотношении доли тех, кто видит определяющую роль в структурных причинах попадания в бедность, и тех, кто делает акцент на индивидуальных, позволяют данные всероссийского телефонного опроса 2020 г.¹⁸ Отвечая на вопрос «Одни считают, что в большинстве случаев человек может преодолеть бедность, существенно улучшить свое благосостояние, если по-настоящему этого хочет. Другие считают, что даже при большом желании в большинстве случаев у бедных нет возможности существенно улучшить свое благосостояние. А какая точка зрения ближе вам?», более половины россиян переложили ответственность на самих бедных: 52% указали, что в большинстве случаев человек может преодолеть бедность, 40% указали, что у бедных нет такой возможности (еще 8% затруднились ответить). При этом более половины тех, кто считал себя

¹⁸ Бедность. О причинах бедности. Представления о возможности ее преодолеть // ФОМ. 2020. 11 декабря. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14512?ysclid=lm63a6tloi936641740> (дата обращения: 04.09.2023).

бедным на момент опроса, указали, что через 3—5 лет они не смогут повысить свое благосостояние и будут жить так же бедно¹⁹.

Таким образом, опираясь на результаты предшествующих исследований, можно ожидать, что россияне более склонны объяснять попадание в бедность поведением самих бедных, нежели внешними факторами.

Эмпирическая основа исследования

Эмпирической базой исследования являются данные, собранные летом 2021 г. посредством фокус-групп и онлайн-опроса.

Фокус-группы были проведены онлайн в Воронеже и Нижнем Новгороде, в каждой принимали участие по 5 человек, общее количество фокус-групп — 6. Выбор населенных пунктов для проведения качественного этапа исследования позволил посмотреть на ситуацию в типичных городах относительно благополучных регионов: по данным Росстата, на 2021 г. доля бедных в Воронежской области составляла 7,9%, в Нижегородской области — 8,4% (по России в целом — 11,0%). Фокус на городском населении обусловлен большими возможностями для проведения онлайн-дискуссий в период локдауна. Критериями отбора участников исследования выступал уровень дохода (участниками четырех фокус-групп были люди с низким и ниже среднего доходом, участники двух фокус-групп — со средним доходом). Помимо этого, отбор участников фокус-групп проводился так, чтобы обеспечить представленность среди участников тех, кто имеет социально-демографические характеристики, которые зачастую отличают бедное население: наличие детей, отсутствие занятости или частичная занятость, проживание в семьях с пенсионерами. Материалы качественной части исследования позволили сформулировать гипотезы и разработать анкету количественного опроса.

Онлайн-опрос был проведен в формате самозаполнения онлайн-анкеты (CAWI). Приглашение к участию в опросе распространялось среди участников потребительской онлайн-панели ОМИ²⁰. В силу того, что в онлайн-панели ограничен доступ к тем группам населения, для которых уровень использования интернетом низок, из обследования исключены респонденты в возрасте до 18 и от 65 лет. Кроме того, из-за плохой представленности в онлайн-панели жителей малых городов (до 100 тыс. чел.), ПГТ и сел, эти категории также не включены в обследование. Объем выборки составил 5 тыс. человек. Выборка репрезентирует городское население, имеющее доступ к сети Интернет по половозрастной структуре, федеральному округу проживания и размеру населенного пункта проживания.

Восприятие бедности и оценка ее масштабов населением

Опираясь на результаты исследования, можно выделить две трактовки бедности: более узкую, когда она отождествляется с нищетой, и более широкую, при которой бедность понимается как низкий уровень доходов.

В первом случае участники фокус-групп описывали бедных как тех, у кого не хватает денег на еду, кто плохо одевается, «просит милостыню», «побирается на помойках»:

¹⁹ Там же.

²⁰ См. URL: <https://www.omirussia.ru/solution/online-panel/> (дата обращения: 30.09.2023).

В моем окружении совсем бедных, когда на кусок хлеба не хватает, нет. Я так понимаю, что бедность, это когда на каждый день нет денег, чтобы купить покушать, я не говорю про праздничный стол, а хотя бы поесть. Нечего покушать, нечего надеть, самое основное, когда холодно. (Воронеж, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Понятно, что им не хватает на еду, лекарства, только на квартиру и поесть. В принципе, у меня есть такие знакомые, им постоянно чего-то не хватает, им постоянно приходится помогать, отдавать что-то. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

С этим во многом согласуются результаты количественного опроса — его участников просили написать, какие ассоциации у них возникают, когда они слышат о бедных. Ответы были закодированы (разбиты на укрупненные смысловые группы — см. рис. 1). Анализ полученных категорий показывает, что чаще всего, отвечая на этот вопрос, респонденты пытались дать определение бедности: 21 % описали ее как ограниченные возможности потребления (в первую очередь в сфере питания, голод, невозможность покупки одежды, обуви, базовых товаров и получения платных услуг), 16 % — как нехватку денег²¹. На третьем месте по доле упоминаний находятся различные эмоции, которые россияне испытывают, когда слышат о бедности (15 %), наиболее часто говорят о жалости и сострадании к бедным, сочувствии, а также злобе, вызываемой самим наличием бедных и проблемы бедности. Во многих случаях участники опроса говорили, что бедность у них ассоциируется с нищетой (12 %).

Каждый десятый участник исследования говорил об ассоциациях, связанных с причинами бедности. В ответах воспроизводятся те же сюжеты, что были освещены в зарубежных исследованиях: к числу индивидуалистических причин в первую очередь можно отнести нежелание работать и лень, к числу фаталистических — невезение, трагедии, к числу социетальных — несправедливость, коррупцию, нехватку рабочих мест, низкие зарплаты и пр. Еще 8 % россиян говорили о бедности с позиций описания портрета малоимущих. Менее популярны мнения о том, что бедным надо помогать (5 %). Стоит также отметить, что по 1 % участников исследования указали, что с бедностью ассоциируется их собственное положение, и что бедных в России много.

Если уходить от самых крайних трактовок бедности к более широкому ее пониманию, то в наиболее общем виде ее можно определить как невозможность баловать себя, купить что-то ради удовольствия.

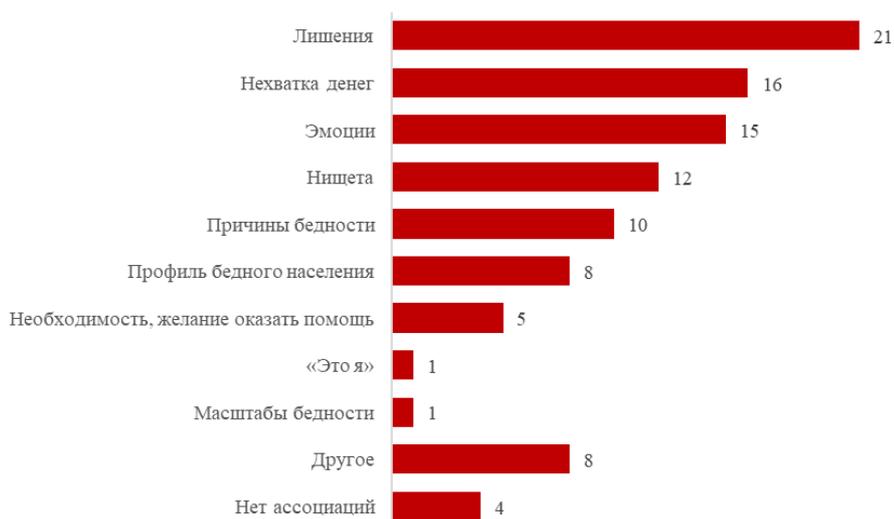
Мне не хватает на отдых, на ту еду, которую я хочу, на ту одежду, которую я хочу. Ребенку мне не хватает на ту технику, какую я хочу. Все требует замены, те же самые теле-

²¹ Каждому респонденту присваивался только один код. Если ответ содержал несколько различающихся ассоциаций, присваивался код, соответствующей первой из них. При этом необходимо отметить, что границы между кодами довольно размыты: так, участники исследования достаточно часто описывали бедность как нехватку денег на еду (описывая бедность одновременно через монетарные критерии и через лишения), в таких случаях высказыванию присваивался код «нехватка денег».

фоны и т. д. Это все уже за рамками возможностей. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Наверное, я себя отношу к бедным людям, если глобально брать в рамках того, что я уже сказал, и в рамках того, что тут уже фигурировали какие-то суммы. Наверное, к бедным людям. <...> Я не могу себе позволить то, что я хочу, во многих областях, начиная от еды, заканчивая отдыхом. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что вам первое приходит на ум, когда мы говорим о бедных?», по укрупненным категориям, %

Источник: данные количественного опроса.

Ограничения в целом воспринимаются участниками исследования негативно, но наиболее чувствительными для россиян можно назвать проявления бедности, при которых им приходится ограничивать не только себя, но и детей:

Конечно, дети много оттягивают денежных средств, потому что хочется, чтобы твой ребенок был не хуже, в рамках разумного, конечно. Не так, что есть нечего, а я куплю тебе iPhone 11, 12 или какой там сейчас выходит. Конечно, нет. Но все равно. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Если ты хочешь, чтобы твой ребенок сейчас не был оторван от основного коллектива, где что-то покупается, дети чем-то хвастаются перед друг другом, ходят в каких-то современных вещах. Если не хочешь, чтобы он был белой вороной, то ты тоже должен

подтягиваться, так или иначе, до этого уровня. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Разные трактовки понятия «бедность» находят отражение и в языке. Категорию населения, сталкивающуюся с проблемой низких доходов, но не находящуюся на самом «социальном дне», описывают словами «низкодоходный», «малоимущий», «нуждающийся»:

Бедность и нуждаемость — это разные вещи. Нуждающихся у нас много, и не факт, что это человек, который сидит без денег. Нуждаются, у всех ведь свои потребности. Тут сложно разграничить. А бедные — это те, кому доходы не позволяют что-то покупать. (Воронеж, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Когда ты хотя бы можешь пойти в магазин и купить хлеб и молоко, это ты еще малоимущий. Я не говорю про одежду. Когда у тебя нет денег, порой купить еду, для меня это бедный. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Стоит отметить, что здесь прослеживается тенденция, зафиксированная в рамках проведенных ранее исследований: предлагаемое в рамках опросов ВЦИОМ и «Левада-Центра»* различие между границей бедности и величиной прожиточного минимума позволяло говорить о том, что последний оценивается выше и ассоциируется не с выживанием, а с существованием на «минимально приемлемых социально сложившихся условиях» [Красильникова, 2005: 38]. Как и ранее, именно бедность воспринимается как наиболее тяжелое положение на грани выживания.

Несмотря на то, что в оценках населения звучит, скорее, понимание проблем бедных и сочувствие к ним, признать самих себя относящимися к этой категории участники исследования, имеющие низкие доходы, не готовы. Они рассказывают, как стремятся замаскировать свое плохое финансовое положение, показать окружающим, что у них все в порядке:

Я сейчас говорю, да, мы бедные, а так я стесняюсь об этом сказать. Мне неудобно говорить, я несчастная, многодетная. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Я стараюсь работать, я работаю промоутером, желательно в кухне, чтобы моя физиономия не светилась там. Не дай бог, знакомые увидят, что я за 180 рублей стою раздаю листовки. Мне неловко. Меня знакомый может попросить, пойдём, кофе попьём, а кофе стоит 100 рублей. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Определив категорию бедных, можно оценить ее долю в населении страны. Полученные в рамках количественного опроса оценки значительно превышают данные государственной статистики и подтверждают выдвинутую выше гипотезу:

в среднем представители интернет-аудитории полагают, что малоимущие составляют половину населения страны. Напомним, что официальная статистика относилась к этой категории 13% россиян на момент опроса.

При этом оценки, данные участниками исследования, весьма разнородны (см. рис. 2).

Рис. 2. Доля малоимущих в России по оценкам населения, %

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Как вам кажется, сколько примерно бедных в России — какой процент населения они составляют?»

Примечательно, что как на фокус-группах, так и в рамках количественного опроса наблюдается рассогласование ответов респондентов на вопрос о доле бедных в стране и доле бедных в их окружении (выше мы видели аналогичные результаты на примере исследования в Польше). Хотя в среднем россияне считают, что половина населения страны живет за чертой бедности, 29% указывают, что в их окружении бедных нет совсем, еще 42% говорят, что есть несколько семей. О том, что таких семей среди их знакомых около половины, заявили 19% опрошенных. Отмечают, что почти все окружающие их семьи живут за чертой бедности, 10%.

В том, что в их восприятии бедными является значительная часть населения страны, но при этом представители этой страты практически не встречаются в их окружении, явного противоречия участники фокус-групп не увидели. Они полагают, что их окружение является более благополучным, а бедные существуют где-то еще, например в других районах города (или в других домах, но точек пересечения с ними нет):

Конкретно сейчас в моем окружении таких людей, наверное, нет, потому что я тут еще и переехал. Раньше были. Я и сам с маленького городка родом, и там в развал СССР нам нечего было кушать. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Да, у меня на улице тоже живут, у них не особо большой доход. Трое детей, они получают пособия, но по их виду, они все время в подработках, им особо ни на что не хватает. Развлечения для детей, у них на это не получается <...> Может, мы их не замечаем, потому что живем обособленно. Ты их особо не замечаешь. (Воронеж, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Вопрос об уровне бедности неразрывно связан с вопросом о том, какие критерии необходимо использовать для идентификации бедного населения. В рамках нашего исследования, как и авторы приведенных выше работ, мы задавали вопрос о минимальном уровне дохода (субъективной линии бедности). Оценивались представления о том, какой доход на человека необходим, чтобы жить нормально, и при каком доходе россияне посчитали бы себя находящимися за чертой бедности. Отвечая на вопрос о «нормальном доходе», 5% не смогли назвать конкретную сумму, в среднем указанная величина дохода составила 61 948 рублей. Представления о линии бедности гораздо скромнее, на вопрос о ней также не смогли ответить 5%, остальные в среднем говорили о доходе 21 688 рублей. Такой показатель почти в два раза превышает установленный на момент опроса прожиточный минимум (11 653 рубля на человека, установлен Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2406²²).

При этом участники фокус-групп сходятся во мнении, что установленный на момент опроса прожиточный минимум не покрывает даже необходимого минимума потребностей и вообще представляется им «оторванным от жизни»:

У нас есть продуктовая корзина. Не знаю, сейчас ее упразднили уже или нет. Уже упразднили, но она была, как факт. Какой человек прожил бы на эту продуктовую корзину? Да никакой просто не прожил бы. Понятие человека, который прожил бы, — это бомж. По-другому нельзя назвать человека, который живет на продуктовую корзину. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Наше правительство, они, конечно, молодцы. Они этот прожиточный минимум вообще с потолка взяли. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Представления о нормальном доходе увеличиваются с возрастом россиян, в то время как для минимально необходимого дохода такой зависимости не выявлено. В региональном разрезе на фоне остальных населенных пунктов выделяется Москва, где оценки нормального дохода достигли 80 105 рублей, минимального — 26 896 рублей.

Интерес представляют не только оценки уровня бедности, но и то, какие категории населения чаще остальных оказываются за чертой бедности по мнению участников исследования. Ответ на этот вопрос дает представление о том, помощи для каких групп россияне ожидают от государства в первую очередь. Перечень вариантов ответа был сформирован исходя из ответов участников фокус-групповых дискуссий, анкетный опрос позволил оценить распространенность этих представлений.

Таблица 1 показывает, что большая часть предложенных категорий так или иначе связана с бедностью в восприятии россиян. Чаще всего участники опроса указывали, что за чертой бедности оказываются бездомные граждане, что вновь возвращает нас к тесным ассоциациям бедности не просто с невысокими дохо-

²² См. URL: <http://static.government.ru/media/files/7qHRWJRnRj4kzMZ21Xl80js1XxAxKxps.pdf> (дата обращения: 04.09.2023).

дами, но с положением на грани выживания. Если же не говорить о таких случаях крайней нищеты, то лидером по доле упоминаний является категория «не имеющие работы, безработные» (75%), что вполне совпадает со статистическими данными о бедности.

Стоит отметить также, что по-прежнему распространены представления о бедности как о чем-то характерном для маргинальных групп населения: 59% россиян указали, что бедными зачастую оказываются те, кто страдает от алкогольной и наркотической зависимости. В ходе фокус-групп их участники демонстрировали сходное восприятие портрета бедных:

У меня муж волонтерил, к таким ездил, видел, что бутылки по полу разбросаны. Дети нуждаются реально в одежде, а бутылки по полу разбросаны. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Далее мы обратимся к более детальному анализу причин бедности. Однако уже на данном этапе стоит отметить ассоциацию бедности с негативным поведением — пристрастием к алкоголю (по сути — с индивидуалистическими причинами бедности).

Хотя в последние годы исследователи говорят о том, что «у бедности в России детское лицо», в сознании населения категориями с самыми высокими рисками бедности остаются пенсионеры (62%) и инвалиды (56%). С официальными оценками профиля бедности такие ответы не совпадают, однако они показывают, что бедность в глазах населения не сводится только к уровню доходов и что используемые на данный момент идентификаторы бедности не вполне позволяют выявить группы с высокими рисками бедности. Примечательно, что если, описывая бедность нарко- и алкозависимых, участники исследования демонстрируют негативное отношение, то говоря о пожилых и людях с ограниченными возможностями здоровья, россияне видят их как заложников ситуации:

К сожалению, в эту категорию для меня попадают пожилые люди — бабушки, которые стоят, пытаются продать газеты. Для меня это тоже категория бедных. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Для меня пенсионеры — это отдельная категория, которые заложники ситуации. На работу они не могут устроиться, их никто не возьмет, и они живут только на то, что имеют. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Разного рода группы с детьми упоминались в качестве рискованных оказаться за чертой бедности значительно реже. Если же россияне указывали на эти категории, то чаще всего полагали, что самые высокие риски бедности характерны для многодетных семей (39%) и одиноких родителей (37%). Наличие детей как таковое, так же как пребывание в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком, воспринимается как фактор бедности относительно редко (15% и 17% соответственно). В то же время официальная статистика свидетельствует о противоположных тенденциях: в составе малоимущих домашних хозяйств доля имею-

щих детей в возрасте до 18 лет составляла 79,9% (из них 26,5% имели трех и более детей), среди населения в целом доля семей с детьми была почти в два раза ниже (32,4%, из них многодетные — 4,1%)²³. В какой-то степени такая «переоценка» материального положения семей с детьми может объясняться особым вниманием к ним государства в период пандемии: именно семьи с детьми оказались ключевыми получателями социальных выплат, и именно они оказались в фокусе социальной защиты [Андреева и др., 2022]. В то же время в рамках фокус-групп (в особенности тех, где участие принимали имеющие детей россияне) тема высоких затрат на детей звучала неоднократно:

Потому что дети — это дорогое удовольствие. Потому что действительно сейчас обувь на детей стоит дороже, чем на взрослых. У нас есть крестники, и мы видим, сколько стоит подарок маленькому дружочку. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями среднедоходных групп населения)

Стоит отметить и расхождения в восприятии роли места жительства в повышении рисков бедности. Государственная статистика демонстрирует, как увеличивается доля бедных с уменьшением размера населенного пункта. И если среди всего населения в сельской местности на 2020 г. проживало 23,8% всех домохозяйств, то среди бедных доля сельских жителей достигала 51,3%²⁴. В то же время только треть всех опрошенных назвали сельских жителей группой с высокими рисками бедности (32%).

Зафиксируем здесь еще один важный момент: описывая факторы бедности, эксперты зачастую говорят о важности образования в снижении рисков бедности, о проблемах, связанных с качеством человеческого капитала, или с низкой отдачей на него. В глазах населения эта проблема не является такой острой, что мы фиксируем как в рамках фокус-групповых дискуссий, так и в рамках количественного опроса. Только 6% участников опроса указали, что бедными оказываются те, кто не имеет высшего образования. Примечательно, что различий в восприятии этого фактора нет и в зависимости от уровня образования респондентов. Участники фокус-групп объясняли такие оценки роли образования тем, что в их окружении есть множество примеров людей с высшим образованием, сталкивающихся с проблемой низких доходов. По их мнению, это связано с более высокой важностью опыта работы, полезных связей, а также неготовностью работодателей предоставлять рабочие места молодым мамам и представителям предпенсионного возраста (примечательно, что такой границей, когда возраст служит фактором отказа в работе, воспринимается достижение 45 лет).

²³ Распределение численности малоимущих домашних хозяйств в зависимости от размера домохозяйства и наличия детей (по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах; в процентах). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F2-09_31-08-2022.doc&wdOrigN=BROWSELINK (дата обращения: 28.02.2023).

²⁴ Распределение численности малоимущих домашних хозяйств в зависимости от места проживания (по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах; в процентах). URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2F2-08_31-08-2022.doc&wdOrigN=BROWSELINK (дата обращения: 28.02.2023).

Таблица 1. Группы, которые по оценкам населения, чаще всего оказываются бедными, % (множественный выбор, допускалось любое количество ответов)

Категория	Доля респондентов, отметивших категорию, %
Бездомные	81
Не имеющие работы, безработные	75
Пенсионеры	62
Люди, страдающие от алкогольной или наркотической зависимости	59
Люди с инвалидностью	56
Многодетные семьи	39
Одинокое родители (матери и отцы-одиночки)	37
Люди, проживающие в сельской местности	32
Люди предпенсионного возраста	24
Женщины в декретном отпуске/отпуске по уходу за ребенком	17
Семьи с детьми (вне зависимости от их возраста и количества)	15
Молодежь	10
Люди, не имеющие высшего образования	6
Другое	2

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Как вам кажется, какие группы населения чаще всего оказываются бедными?»

Причины бедности в восприятии населения и ожидания помощи от государства в их преодолении

Описание портретов бедных позволяет говорить о том, что приводит людей к бедности. Однако участникам опроса также предлагалось оценить, приводят ли те или иные явления к бедности в стране. Подавляющее большинство полагают, что причиной бедности в России точно или скорее являются низкие пенсии (95 %) и заработные платы (95 %), также высока доля тех, кто считает причиной бедности рост цен (94 %). Возвращаясь к описанной выше типологии, используемой в зарубежных исследованиях, можно сказать, что наше предположение, выдвинутое выше, не подтвердилось: ключевую роль россияне отводят структурным причинам бедности.

При этом по большинству перечисленных явлений доля тех, кто видит их в качестве причин бедности, превысила 50 %. Примечательно, что фаталистическое восприятие причин бедности не характерно для наших сограждан: они не склонны считать попадание в бедность чем-то случайным, не зависящим от человека: с тем, что причиной бедности может стать невезение, согласились меньше всего опрошенных (34 %), однако плохое здоровье, болезни и инвалидность являются причинами бедности по мнению 87 % россиян.

Среди индивидуалистических причин на первый план выходят алкоголизм и наркомания: о том, что они точно или скорее приводят к бедности, говорят 87 % россиян (см. рис. 3.).

Рис. 3. Восприятие причин бедности населением, %

Источник: данные количественного опроса, вопрос «На Ваш взгляд, является или нет причиной бедности в России...?»

В анкету были включены не только вопросы о причинах бедности в России, но и о событиях, которые чаще всего выталкивают людей за черту бедности. Россияне здесь последовательны в своих ответах и в качестве события, приводяще-

го к бедности, чаще всего называли потерю работы (87 %). Также в топ-3 событий вошли возникновение проблем со здоровьем (79 %) и обращение к кредитам и займам (70 %). Здесь вновь стоит подчеркнуть, что проблема детской бедности в восприятии населения стоит не так остро: попадание в бедность с рождением ребенка связали только 14 % россиян (см. табл. 2).

Потеря работы в целом воспринимается как явление, резко снижающее уровень доходов, в отдельных случаях:

Мягко выражаясь, это как упасть с Эвереста было. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Есть несколько персонажей, с которыми я периодически пересекаюсь. Они просто рядом живут. Они раньше жили достаточно обеспеченно, более-менее, но потом что-то пошло не так с работой. Люди начинают спиваться. Сейчас кто-то из них работает дворником в ТСЖ, и они там собирают бутылки, картон. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Когда участники исследования говорят о кредитах как факторах бедности, они в первую очередь имеют в виду попадание в кредитную ловушку, при которой чтобы погасить один кредит, заемщик вынужден брать новый. Однако они отмечают, что кому-то из этой ловушки удается выбраться:

Да брала, у меня было 2—3 кредита, я все перекрыла. С этого начинается бедность, это ущемление всего, отказ себе во всем. Но у меня нашлись силы, я долго закрывала. (Нижний Новгород, фокус-группа с представителями низкодоходных групп населения)

Таблица 2. **Представления населения о событиях, которые приводят людей к бедности, % (множественный выбор, допускалось любое количество ответов)**

События	Доля респондентов, отметивших событие, %
Потеря работы	87
Возникновение проблем со здоровьем	79
Обращение к кредитам, займам	70
Катастрофы (наводнения, пожары и пр.)	60
Потеря кормильца	57
Выход на пенсию	54
Развод, расставание партнеров	17
Рождение ребенка	14
Переезд в другой населенный пункт	6
Другое	3

Источник: данные количественного опроса, вопрос «Какие из событий чаще всего приводят к тому, что люди становятся бедными?»

Обобщая, стоит отметить, что затруднительно выделить какой-либо доминирующий вид факторов попадания в бедность: наиболее часто упоминается микс из структурных, фаталистических и индивидуальных факторов.

Основные выводы

Подводя итог анализа восприятия бедности населением России, стоит отметить, что, несмотря на важность данной темы, актуальных оценок того, каким видят себе это явление россияне и какой воспринимают численность бедного населения, немного.

Результаты проведенных онлайн-фокус-групп и количественного опроса населения показывают, что основным признаком бедности можно назвать необходимость ограничивать себя и членов семьи со всем, что особенно остро ощущается, когда ограничения затрагивают не только взрослых, но и детей. Довольно часто бедность трактуется как пребывание на социальном дне, определяется как синоним нищеты, невозможность купить еду и самую простую одежду. Таким образом, можно говорить о неоднородности представлений о бедности, существование которой отмечают и авторы более ранних работ, описывая разрыв между представлениями о границе бедности и прожиточным минимумом.

О многогранности восприятия бедности говорят и ответы на открытый вопрос об ассоциациях с этим понятием. Около половины всех участников исследования связывают бедность с нехваткой денежных средств или связанной с ней нехваткой других благ. Более чем каждый десятый при этом связывает бедность с нищетой (вероятно, воспринимая их как синонимы). Наряду с этим упоминаются ассоциации с портретом бедных и причинами бедности.

Субъективная линия бедности (представления о том, при каком доходе человек будет считать себя бедным) оказывается существенно выше, чем граница, устанавливаемая официальной статистикой на уровне прожиточного минимума. Этот тренд прослеживается в России с 1990-х годов и несмотря на некоторое сближение показателей в 2000-е годы, разрыв между субъективной линией бедности и официальной ее величиной сохраняется. Наиболее высокие значения субъективной линии бедности показателя отличают жителей столицы.

Оценки численности бедного населения и представления о том, кто сегодня является бедным, существенно расходятся с тенденциями, которые фиксируют официальная статистика и исследования бедности. Участники исследования полагают, что бедными на момент опроса являлась половина населения страны (по данным статистики — 13%), при этом к категориям с самыми высокими рисками бедности были отнесены пенсионеры и инвалиды, которые довольно редко причисляются к таковым официальной статистикой (как минимум при использовании монетарных подходов). В то же время о семьях с детьми как о тех, кто часто близок к черте бедности, говорили реже.

Описывая причины бедности, участники исследования склоняются к тому, что можно назвать социетальными или структурными причинами: низкие зарплаты и пенсии, а также рост цен. Фаталистический взгляд, напротив, не распространен, реже всего россияне видят в качестве фактора бедности неудачи и невезение.

В тройку событий, которые, по мнению населения, выталкивают россиян за черту бедности, вошли потеря работы (на фокус-группах участники описывали кей-

сы, когда она приводила к злоупотреблению алкоголем), возникновение проблем со здоровьем, которые отражаются на возможностях полноценной занятости и в то же время требуют дополнительных вложений, а также обращение к кредитам и займам, затягивающее в «кредитную ловушку». Классифицируя описанные события в той же логике, что и причины бедности, можно сказать, что здесь тройку лидеров составили индивидуальные, фаталистические и структурные причины.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что сегодня существует разрыв между тенденциями в сфере бедности, фиксируемыми социальными исследователями, и тем, как видят ситуацию остальные россияне, что ставит вопрос о важности дополнения уже используемых индикаторов бедности показателями ее восприятия населением. Это позволит, с одной стороны, получить более полную картину бедности, с другой — сопоставить представления экспертов и населения о проблеме, что может снизить социальное напряжение, связанное с недостатком мер социальной поддержки, или предотвратить его возникновение.

Список литературы (References)

Андреева Е. А., Бирюкова С. С., Воронина Н. Д., Горват Е. С., Горина Е. А., Горяйнова А. Р., Карева Д. Е., Нагерняк М. А., Назарбаева Е. А., Пишняк А. И., Помазкин Д. В., Попова Д. О., Селезнева Е. В., Синявская О. В., Тер-Акопов С. А., Устинова М. А., Халина Н. В. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего / Науч. ред.: Л. Н. Овчарова, О. В. Синявская. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022. Andreeva E. A., Biryukova S. S., Voronina N. D., Gorvat E. S., Gorina E. A., Goryainova A. R., Kareva D. E., Nagernyak M. A., Nazarbaeva E. A., Pishnyak A. I., Pomazkin D. V., Popova D. O., Selezneva E. V., Sinyavskaya O. V., Ter-Akopov S. A., Ustinova M. A., Khalina N. V. (2022) Social Protection in Russia: Before and After the Pandemic. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Красильникова М. Д. Доходы и потребление в условиях экономического роста // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 1. С. 34—40. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-75-za-2005-god/>.

Krasilnikova M. D. (2005) Incomes and Consumption under the Conditions of Economic Growth. *The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. No. 1. P. 34—40. URL: <https://www.levada.ru/2011/06/13/vestnik-obshhestvennogo-mneniya-1-75-za-2005-god/>. (In Russ.)

Леконцев И. П. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 111—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.07>.

Lekoncev I. P. (2016) Poverty in Russia: Official Figures and Results of VCIOM Public Opinion Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 111—119. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.2.07>. (In Russ.)

Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24—40. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-24-40>.

Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Y. (2020) Chronic Poverty: What Affects Its Level and Severity? *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 24—40. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-24-40>. (In Russ.)

Мареева С. В., Тихонова Н. Е., Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. 2016. Т. 25. № 2. С. 37—67. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (accessed: 31.08.2023).

Mareeva S., Tikhonova N. (2016) Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Universe of Russia*. Vol. 25. No. 2. P. 37—67. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4902> (accessed: 31.08.2023).

Ниворожкина Л. И., Овчарова Л. Н. Субъективная оценка бедности: так ли она субъективна? // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 1. С. 56—62.

Nivorozhkina L. I., Ovcharova L. N. (2006) Subjective Poverty Evaluation: Is It so Subjective? *University News. North-Caucasian region. Social Sciences Series*. No. 1. P. 56—62 (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. Ovcharova L. N. (2009) Theoretical and Practical Approaches to the Poverty Level, Profile and Poverty Factors Evaluation: Russian and International Experience. Moscow: M-Studio. (In Russ.)

Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2012. № 16. С. 15—38. URL: https://web.archive.org/web/20140123071748/http://spero.socpol.ru/docs/N16_2012_02.pdf (дата обращения: 31.08.2023).

Ovcharova L. N. (2012) Theoretical Methodological Issues of Poverty Definition and Measurement. *SPEERO. Social Policy: Assessment. Recommendation. Reviews*. No. 16. P. 15—38. URL: https://web.archive.org/web/20140123071748/http://spero.socpol.ru/docs/N16_2012_02.pdf (accessed: 31.08.2023). (In Russ.)

Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Попова Д. О., Варданян Е. Г. Уровень и профиль бедности в России: от 1990-х годов до наших дней. М.: НИУ ВШЭ, 2014. URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf.

Ovcharova L. N., Biryukova S. S., Popova D. O., Vardanyan E. G. (2014) The Level and Poverty Profile in Russia: Since 1990-S to Present. Moscow: National Research University Higher School of Economics. URL: https://www.hse.ru/data/2014/12/22/1103214109/mon_level_1.pdf. (In Russ.)

Пасовец Ю. М. Риски бедности в современных российских условиях // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2. С. 143—160. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9>.

Pasovets Y. M. (2015) Risks of Poverty in the Modern Russian Conditions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 2. P. 143—160. <https://doi.org/10.15838/esc/2015.2.38.9>. (In Russ.)

Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>.

Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)

Слободенюк Е. Д. Нерыночные факторы бедности в современной России и пути совершенствования социальной политики // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 391—405. URL: <https://publications.hse.ru/articles/97355532> (accessed: 31.08.2023).

Slobodenyuk E. (2013). Non-market Factors of Poverty in Modern Russia and Ways to Improve Social Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 391—406. URL: <https://publications.hse.ru/articles/97355532> (accessed: 31.08.2023). (In Russ.)

Alkire S., Foster J. (2011) Understandings and Misunderstandings of Multidimensional Poverty Measurement. *Journal of Economic Inequalities*. No. 9. P. 289—314. <https://doi.org/10.1007/s10888-011-9181-4>.

Da Costa L. P., Dias J. G. (2014) Perceptions of Poverty Attributions in Europe: A Multilevel Mixture Model Approach. *Quality & Quantity*. No. 48. P. 1409—1419. <https://doi.org/10.1007/s11135-013-9843-3>.

Feagin J. R. (1972) Poverty: We Still Believe That God Helps Those Who Help Themselves. *Psychology Today*. Vol. 6. No. 6. P. 101—110.

Goedhart T., Halberstadt V., Kapteyn A., Praag B. M. (1977). The Poverty Line: Concept and Measurement. *Journal of Human Resources*. Vol. 12. No. 4. P. 503—520. <https://doi.org/10.2307/145372>.

Kuivalainen S. (2014) Subjective Poverty. In: Michalos A. C. (eds.) *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research*. Dordrecht: Springer. https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_2900.

Lahat L. (2018) The Effects of Knowledge about Poverty, Exposure to Poverty and Trust on Policymakers' Perceptions about Poverty. *Social Policy & Administration*. Vol. 52. No. 3. P. 611—630. <https://doi.org/10.1111/spol.12332>.

Malul M. (2019) Poverty and Social Policy: Perceptions Versus Reality. *Poverty & Public Policy*. Vol. 11. No. 4. P. 291—301. <https://doi.org/10.1002/pop4.261>.

Milanovic B., Jovanovic B. (1999). Changes in the Perception of the Poverty Line during the Depression in Russia, 1993—96. *The World Bank Economic Review*. Vol. 13. No. 3. P. 539—559. <https://doi.org/10.1093/wber/13.3.539>.

Özpınar Ş., Akdede S. H. (2022) Determinants of the Attribution of Poverty in Turkey: An Empirical Analysis. *Social Indicators Research*. No. 164. P. 949—967. <https://doi.org/10.1007/s11205-022-02988-5>.

Reutter L., Stewart M., Veenstra G., Love Rh., Raphael D., Makwarimba E. (2009) “Who Do They Think We Are, Anyway?”: Perceptions of and Responses to Poverty Stigma. *Qualitative Health Research*. Vol. 19. No. 3. P. 297—311. <https://doi.org/10.1177/1049732308330246>.

Van Oorschot W., Halman L. (2000) Blame or Fate, Individual or Social? An International Comparison of Popular Explanations of Poverty. *Psychosomatic Medicine*. Vol. 2. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1080/146166900360701>.